

ВЛАСТЬ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ (1931 – НАЧАЛО 1950-х гг.)

УДК 711.03(470-25)“193/195”:929

DOI: 10.24411/1998-4839-2019-00003

С.О. Кузнецов

Комитет по архитектуре и градостроительству Москвы, Москва, Россия

Аннотация

Общеизвестно, что архитектура, как и другие сферы культуры – литература, музыка, театр, кино и др. – подвергалась жесткому идеологическому контролю со стороны сталинского режима. Некоторые исследователи истории архитектуры полагают, что переход от авангарда к «сталинскому стилю» в советской архитектуре в большой степени был инициирован политическим лидером СССР И.В. Сталиным. Считается, что он использовал Генеральный план Москвы 1935 года как один из решающих инструментов «стилевой ломки». Однако этот миф не подтверждается архивными источниками. Цель Генерального плана реконструкции Москвы заключалась не в создании нового грандиозного архитектурного стиля, а в масштабном благоустройстве и радикальной модернизации городской инфраструктуры. Интерес Сталина к архитектурному процессу не был перманентным, а носил явно выраженный циклический характер и фокусировался на наиболее важных в идеологическом отношении моментах архитектурной повестки Москвы.¹

Ключевые слова: Сталин и архитектура, Каганович и архитектура, архитектура и власть, Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г., Г.М. Попов

SOVIET POLITICAL LEADERSHIP AND THE GENERAL PLAN FOR THE RECONSTRUCTION OF MOSCOW (1931 – early 1950s)

S. Kuznetsov

Committee for Architecture and Urban Planning of Moscow, Moscow, Russia

Abstract

There is no doubt that, during the 1930s, architecture, like other spheres of culture – literature, music, theater, cinema, and so on – was subjected to strict ideological control by the political regime. Some researchers go so far as to argue that the transition from the avant-garde to the "Stalinist style" in Soviet architecture was initiated largely by the personal intervention of the leader of the USSR I.V. Stalin. It is believed that he used the 1935 Moscow General Plan as the decisive tool of this "style breaking". However, this myth is not supported by archival sources. The goal of the General Plan for the reconstruction of Moscow was not to create a new grandiose architectural style, but to bring about a radical modernization of the city infrastructure. Stalin's interest in the architectural process was not profound. It was clearly cyclical in nature and focused on ideologically most important points of the architectural agenda of the city.²

Keywords: Stalin and architecture, Kaganovich and architecture, architecture and the power, General plan of reconstruction of Moscow 1935, G.M. Popov

¹ **Для цитирования:** Кузнецов С.О. Власть и Генеральный план реконструкции Москвы (1931-начало 1950-х гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №4(49). – С. 28-46. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/02_kuznetsov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2019-00003

² **For citation:** Kuznetsov S. Soviet Authorities and the General Plan for the Reconstruction of Moscow (1931-early 1950s). Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 4(49), pp. 28-46. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/02_kuznetsov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2019-00003

Истории Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года посвящено немало научных трудов. Тем не менее, тема настолько многогранна и неисчерпаема, что ученые продолжают обращаться к ней вновь, в особенности к моменту разработки и принятия; меньше интересует исследователей ход фактической работы по его выполнению. В историографии считается признанным фактом, что Генеральный план Москвы наряду с конкурсом на проект Дворца Советов стал одним из главных факторов, которые привели к смене архитектурного стиля в СССР в первой половине 1930-х годов. Роль лидера советского режима И.В. Сталина в этом явлении до сих пор остается спорной. Большинство исследований, посвященных истории принятия Генерального плана, тщательно анализирует исторические источники, стремясь детально и максимально полно воссоздать процесс его подготовки [11, 13]. Есть и авторы, которые пытаются укрепить миф о том, что Сталин непосредственно руководил архитектурным процессом в СССР и лично инициировал «все важные события архитектурной жизни страны, такие как идея генерального плана и всеобщая смена стиля»³.

Представляется преувеличенным мнение, что Сталин и его приближенные имели сознательное намерение использовать Генеральный план реконструкции Москвы как инструмент создания нового грандиозного архитектурного стиля и подавления творческой свободы архитекторов. Исследование комплекса мало изученных до сегодняшнего дня исторических материалов позволяет дать более точные ответы на вопросы о том, каковы были основные цели Генерального плана и какая роль в нем была отведена архитектурно-художественному оформлению города. Также, анализ архивных документов показывает, что в определенные моменты мнение Сталина могло играть решающую роль; тем не менее, Генеральный план был результатом коллективной работы разных специалистов, архитекторов и политиков.

К началу работы над генеральным планом в 1931 году Москва имела чудовищный вид. В результате пятилетки индустриализации (1928-1932 гг.) численность населения быстро увеличивалась за счет притока рабочих на новые заводы. В 1926 году она составляла 2026 тыс. человек, а к 1933 году выросла до 3663,3 тыс.⁴ С 1917 года жилищный фонд практически не реконструировался. На человека приходилось 5 кв. м. жилой площади. Для большинства это были койки в общежитиях, бараках, подвалах и временных строениях. Ничтожный процент домовладений имел присоединение к канализации, водопроводу и электросетям; не было центрального отопления и газоснабжения. Топили дровами, готовили в печах и на керосинках. Почти отсутствовало уличное мощение, улицы тонули в грязи. Ночами, распространяя зловоние, по городу разъезжали ассенизационные обозы [9, с. 86, 92; 14, с. 30]. Москва-река использовалась для слива нечистот, производственных и бытовых отходов, от которых шли ядовитые испарения. Ручьи, речки и реки, особенно Яуза, представляли собой «открытые сточные каналы <...> Вода [в Яузе] при расходе в 700 литров/сек. состояла из 100 литров воды и 600 литров сточной жидкости <...> имела чернильный цвет»⁵ [14, с. 167] (рис. 1, 2). По словам Л.М. Кагановича, одного из политических лидеров ближнего круга Сталина, секретаря ЦК ВКП(б), «рабочие роптали». Необходимо было срочно трансформировать Москву в «образцовую столицу образцового социалистического государства»⁶.

³ Хмельницкий Д.С. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 103; Васькин А.А., Назаренко Ю.И. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М.: «Спутник», 2011.

⁴ Весь СССР. Справочник-путеводитель [Текст]. – М.: Издание Трансрекламы НКПС, 1930. – С. 57; СССР в цифрах. – М.: Союзоргучет, 1934. – С. 93.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 12. Л. 206. Планировка города Москвы. 1934.

⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 158. Л. 159-161. Выступление Л.М. Кагановича на заседании IV областной и III городской партконференции Москвы и Московской области 17.01.1934.

Рис. 1. Берега Яузы до реконструкции

Рис. 2. Набережная Москвы-реки до реконструкции

В начале 1930 года на пост первого секретаря московского комитета ВКП(б) был назначен Лазарь Моисеевич Каганович⁷. Он вспоминал, что идею реконструкции подал И.В. Сталин на заседании Политбюро 20 февраля 1931 года. Начав со «скромного вопроса» об электрических лампочках и отоплении, Сталин развернул программу обновления города: «развивай дальше, напиши в постановлении и о хороших мостовых, <...> сколько жилищ, напиши в постановлении об общем развитии теплофикации (он особенно упирал на теплофикацию Москвы, на невозможность отапливать Москву средневековым способом – дровами), расширь рамки постановления, вставляй Метро, вставляй Москва-Водоканал»⁸.

Была образована комиссия для подготовки комплексных предложений по улучшению городского хозяйства. Ее возглавил Л.М. Каганович, а вошли все лидеры большевиков, члены и кандидаты в члены Политбюро и ЦК, руководители высших органов власти: В.М. Молотов, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.П. Розенгольц, В.И. Межлаук, С.М. Киров и

⁷ Гарнук С.Д. Московская власть. Городская организация КПСС и ее органы. Март 1917 – октябрь 1993: справочник. – М.: Издательство ГАУ г. Москвы, 2012. – С. 85, 109.

⁸ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 158, л. 159-161.

др. Были подготовлены «Практические мероприятия по улучшению и развитию Московского городского хозяйства» – концепция обширной комплексной реконструкции города, которая определила круг задач, требовавших немедленного разрешения: организация нового жилищного строительства и ремонт старого квартирного фонда, улучшение организации общественного питания, строительство теплоэлектростанций и сетей для перехода на централизованное электроснабжение и отопление, развитие системы общественного транспорта, прокладка метро, решение проблемы водоснабжения путем соединения Москвы-реки с верховьем Волги; ремонт дорог, улучшение санитарного состояния города, включая механизированную уборку улиц; строительство новых полей орошения и канализационной сети; разработка «серьезного, научно обоснованного плана дальнейшего расширения и застройки Москвы». Таким образом, главной целью плана реконструкции было не архитектурно-художественное украшение города, а его благоустройство и улучшение санитарных условий. Над подготовкой реконструкции трудились все отделы Мосгорисполкома (МГЖД, Мостранс, Москомгаз, Водоканализация, Гордоротдел, зеленого строительства, очистки города, наружного освещения и др.)⁹. Обустройство набережных, асфальтирование улиц, прокладка метро, строительство водоканала Москва-Волга, газопровода Саратов-Москва, сети трамвайных и железнодорожных путей начались задолго до принятия постановления 1935 года об утверждении Генплана реконструкции, а именно сразу же после известного июньского (11-15 июня) пленума ЦК ВКП(б) 1931 года, который одобрил «Практические мероприятия по улучшению и развитию Московского городского хозяйства».

Советские лидеры осознавали, что «невозможно перестраивать крупнейший город <...> по-социалистически без единого плана организации территорий, домов, транспорта и т.д.»¹⁰. Однако составление собственно градостроительного плана города было не самоцелью, а одной из целого ряда равнозначных по важности задач социалистической реконструкции и благоустройства. Для той программы действий, которую запланировали большевики, не подходили созданные в двадцатые годы градостроительные планы. Исследователи отмечают, что «система планирования Большой Москвы С.С. Шестакова, которой руководствовались московские власти в начале тридцатых годов, не имела должного технико-экономического обоснования, вследствие чего проект его был справедливо назван т. Кагановичем чертежным планом» [13, с. 39]. Переписка вождей свидетельствует о том, что разработать новый генеральный план предложил Сталин во время подготовки постановления июньского пленума ЦК¹¹. После этого работа над планировкой столицы началась как бы с чистого листа под руководством Л.М. Кагановича. Тем не менее, историками архитектуры установлено, что многие элементы прежних проектов: «Новой Москвы» А.В. Щусева, «Большой Москвы» С.С. Шестакова, схем реконструкции В.Н. Семенова и К. Майера – все же нашли свое употребление в генеральном плане Москвы 1935 года в той степени, в какой они не противоречили взглядам Л.М. Кагановича [13, с. 132; 3].

Известно, что Сталин проявлял большой интерес к разработке Генерального плана. Как было отмечено в начале статьи, в определенном смысле он запустил процесс его подготовки, подняв на Политбюро вопрос об освещении в подъездах домов. Сталин входил в состав комиссий, принимал участие в обсуждениях проекта на больших совещаниях с архитекторами в ЦК ВКП(б). Известно, что по желанию вождя приоритетом стала облицовка гранитом набережных Москвы-реки. Сохранилось порядка десятка писем из переписки Сталина и Кагановича, где они обсуждают ход работ по благоустройству города, в том числе начало составления генплана, разногласия с

⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 24. Д. 1. Л. 7. Стенограмма объединенного заседания пленума МК и МГК ВКП(б) 18 июня 1931 г.

¹⁰ Каганович – Сталину. 05.07. [1932] / Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. Федеральная архивная служба России; Российский государственный архив социально-политической истории. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 266.

¹¹ Каганович – Сталину. 05.07. [1932] / Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. – С. 266.

архитекторами, и Сталин дает свои указания¹². Тем не менее, «главным дирижером» реконструкции все же следует считать именно Кагановича. Это было подчеркнуто в постановлении объединённого городского пленума МК ВКП(б) и Моссовета от 11 июля 1935 года: «Лазарь Моисеевич своим сталинским руководством разработкой плана и практическим переустройством Москвы придал этому делу подлинно революционный размах, глубокую идейность и большевистские темпы»¹³. Для привлечения к работе всего пула московских архитекторов провели реформу проектных организаций, образовав проектные и планировочные архитектурные мастерские Моссовета. Она детально описана в работах российских архитектуроведов [3, 13 и др.]. Деятельность же Арплана, головного органа управления подготовкой Генерального плана реконструкции, меньше отражена в историографии, поэтому будет полезно остановиться на ней подробнее.

Архитектурно-Планировочная комиссия МГК ВКП(б) и Моссовета или Арплан [в некоторых источниках Архплан] была образована в сентябре 1933 года путем объединения двух комиссий – городской (Моссовета) и партийной (МК и МГК ВКП(б)). Возглавил ее Л.М. Каганович. Он оставался председателем Арплана с момента создания и даже некоторое время после своего перевода в наркомат путей сообщения СССР в феврале 1935 года. Затем комитет последовательно возглавляли первые секретари МК ВКП(б). Формально Арплан осуществлял руководство всем комплексом проектных и планировочных организаций Моссовета до Великой Отечественной войны¹⁴. Казалось бы, столь высокий уровень партийного руководства свидетельствует о том, что смыслом деятельности Арплана было транслировать архитекторам идеологические и политические требования правящего большевистского режима. Некоторые исследователи советской архитектуры поддерживают гипотезу, что Каганович как глава Арплана рассматривал «абсолютно все более-менее крупные проекты мастерских», что он «оценивал, вносил коррективы, советовал, критиковал, «надстраивал», «сносил», «украшал» и т.д.», а также был проводником сталинских взглядов на архитектурное развитие Москвы. По их мнению, «оценить характер и рамки» влияния вождей на архитектурный процесс можно «даже не прибегая к материалам закрытых архивов, только по опубликованным источникам» [10, с. 59-61]. Такой подход кажется несколько односторонним, тем более что московские архивы сохранили для нас довольно полный комплект протоколов Арплана с момента его создания¹⁵. Архивные документы открывают более объективную картину, чем идеологически ангажированные журнальные публикации тридцатых годов.

На первых заседаниях комиссии были решены организационные вопросы по формированию проектных и планировочных мастерских, распределению между ними заказов и участков проектирования. Планировочные мастерские получили задание немедленно приступить к детальной планировке основных магистралей, узлов и площадей города¹⁶. В качестве образца для своей градостроительной деятельности Каганович выбрал реконструкцию Парижа бароном Османом, увидев в Парижской схеме

¹² Каганович – Сталину, 5 августа 1932 г. / Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. ... – С. 266-267 и др.

¹³ Генеральный план реконструкции города Москвы: Постановления и материалы. – М.: Московский рабочий, 1936. – С. 22.

¹⁴ Гарнюк С. Д. Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 – октябрь 1993: справочник. – М.: Издательство ГАУ г. Москвы, 2011. – С. 129, 135, 150, 590, 735.

¹⁵ Протоколы Арплана за 1933-начало 1935 г. были пронумерованы, что позволяет судить об их полноте. Сохранились протоколы № 1-7 за 1933 г. (ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 44); протоколы № 8-11, 14 за 1934 г. (ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 58); четыре протокола за 1935 г. Только один из них, № 15 от 27-28 февраля был пронумерован. После февраля 1935 г. дальнейшее совещания Арплана проводились с меньшей регулярностью. Видимо, это связано с переводом Кагановича с должности первого секретаря МК партии 27 февраля 1935 г. (ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 79 и Д. 80). Н.С. Хрущев на посту первого секретаря (1935-1938) гораздо меньше интересовался архитектурными проблемами, чем его предшественник. При нем формат изменился: проводились совещания по специальным вопросам: транспорта, канализации и т.п.

¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 44. Л. 38. Протокол заседания Архплана 13.11.1933.

сходство с радиально-кольцевой планировкой Москвы. На совещании в июле 1932 года он с упоением доказывал: «Осман <...> сделал большое архитектурное дело <...> Как работал Осман? Он работал очень скромно: он завершал кольца и выравнивал линии. <...> Мы с Вами можем в Москве в общей сложности без больших трудов и затрат <...> получить радиально-кольцевую систему. 16 – 17 прямых улиц, 5 – 7 колец. Как же можно отказаться от таких благоприятных условий <...>?»¹⁷. Л.М. Каганович был партийным функционером без архитектурного образования и не обладал собственными познаниями для разработки схемы генерального плана Москвы. Очевидно, что в начальный период проектирования на него влияли идеи В.Н. Семенова, главного архитектора Отдела планировки Моссовета, который до лета 1934 года отвечал за сведение частей плана Москвы в общую схему. В.Н. Семенов, пожалуй, самый авторитетный тогда специалист по градостроительству среди российских теоретиков городского планирования, был одним из главных приверженцев османовской реконструкции Парижа [13, с. 26].

В 1933 году на повестке стояли утверждение участков под застройку и зданий, подлежащих сносу или надстройке. Значительное место в обсуждении занимали проектирование, строительство и оформление гранитных набережных Москвы-реки (рис. 3). Важной темой также была подготовка документации для представления на Политбюро, в особенности с начала 1934 года¹⁸. Первое выступление главного архитектора В.Н. Семенова на Арплане состоялось 13 ноября 1933 года с докладом о предварительных материалах планировки Москвы. У него были содокладчики – сотрудники Мосгорисполкома, эксперты по расселению, промышленности, транспорту, подземному хозяйству и озеленению. Анализ публикаций того периода позволил исследователям сделать вывод, что в основном была использована схема перепланировки, разработанная коллективом под руководством Семенова в 1931-1933 годах. [13, с. 105]. Материалы были признаны недостаточными, и Арплан дал указание подключить к работе Городскую плановую комиссию (Горплан) для подготовки разделов экономики, городского хозяйства, санитарии и гигиены, транспорта, расселения и развития города. В результате работы планировочных мастерских и Арплана был выпущен объемный том текстового материала «Планировка города Москвы»¹⁹. Он включил разделы по истории городского плана, анализ расселения и описание работ по благоустройству города, выполненных в период подготовки генплана с момента июньского 1931 года Пленума ВКП(б). Были разработаны проекты реконструкции некоторых центральных площадей (рис. 4, 5, 6).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 181. Л. 24 – 71. К вопросу о перепланировке Москвы. Выступление Л.М. Кагановича на Совещании архитекторов при Моссовете. 31.7.1932.

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 58.

¹⁹ Схема планировки в деле не сохранилась. Эта могла быть именно та схема, которая подробно анализируется в статье Ю.Д. Старостенко [9].

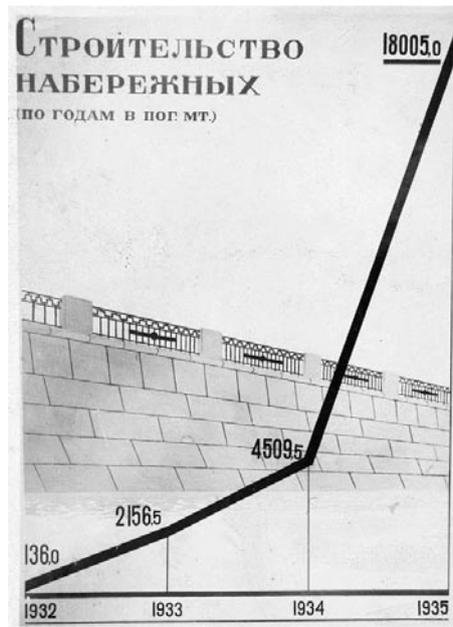

Рис. 3. Диаграмма строительства набережных Москвы-реки

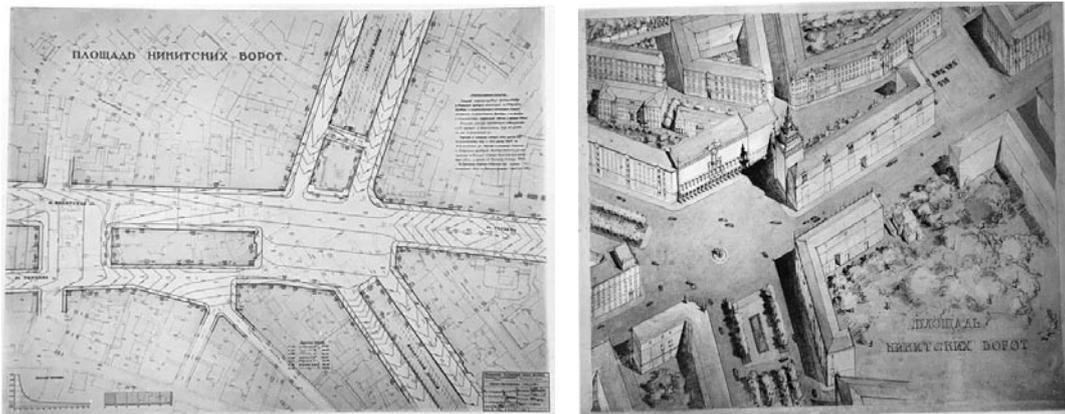
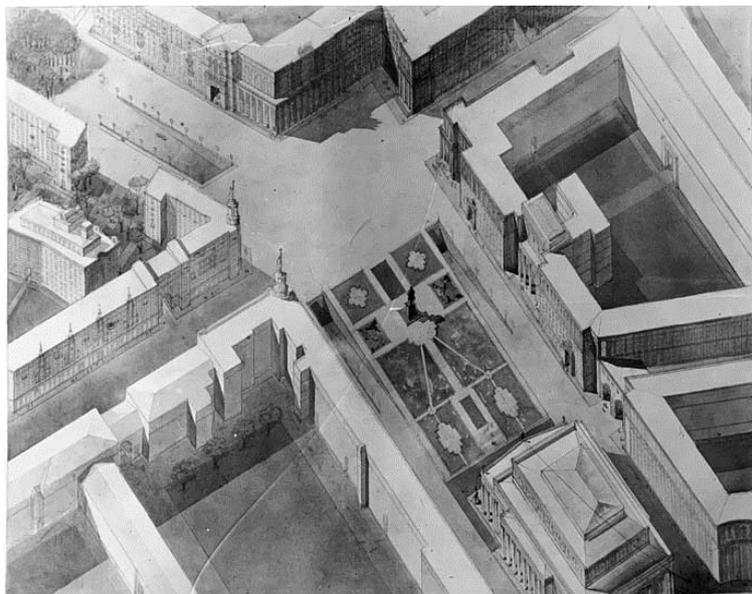

Рис. 4. Проект планировки площади Никитских ворот. Первая архитектурно-планировочная мастерская. Гл. архитектор С.Е. Чернышев. 1934 г.: а) вертикальная планировка; б) перспектива

а)

б)

Рис. 5. Проект планировки площади Триумфальных ворот. Первая архитектурно-планировочная мастерская. Гл. архитектор С.Е. Чернышев. 1934 г.: а) план; б) перспектива

Рис. 6. Проект планировки Таганской площади. Первая архитектурно-планировочная мастерская. Гл. архитектор С.Е. Чернышев. 1934 г. Перспектива

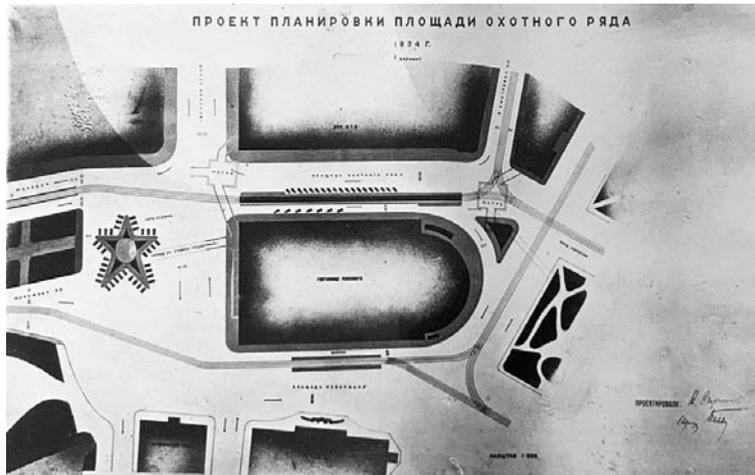
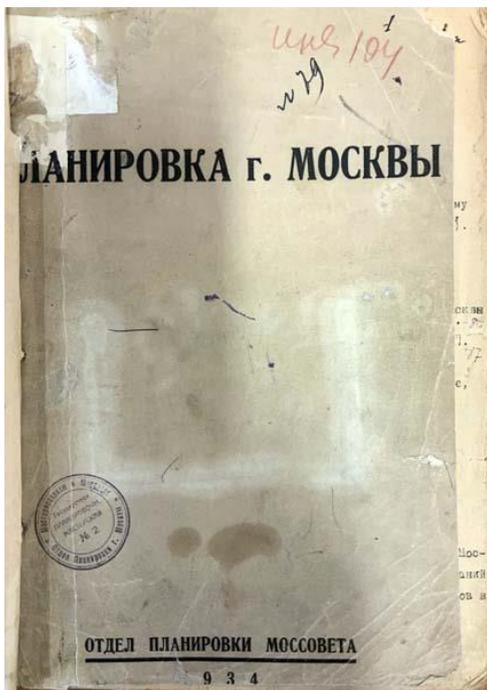
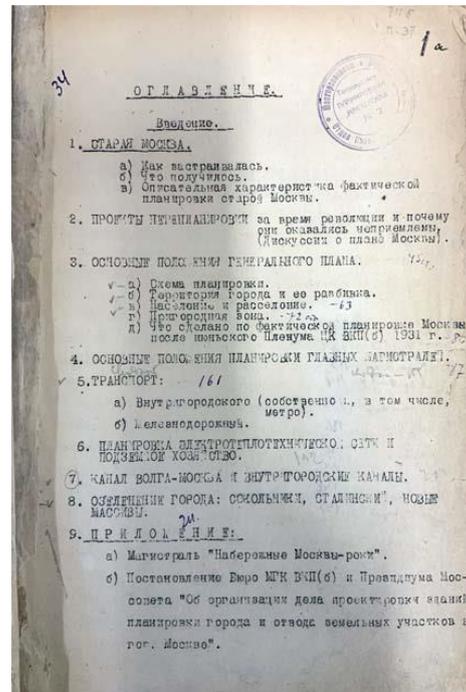

Рис. 7. Проект планировки площади Охотного Ряда. Первая архитектурно-планировочная мастерская. Гл. архитектор С.Е. Чернышев. 1934 г.

Большой раздел был посвящен обширной программе обводнения, создания системы окружных каналов и пристаней по периметру города. От нее впоследствии отказались. Сам В.Н. Семенов помимо координации работ по Генплану был главным архитектором планировочной мастерской № 12, которой была поручена разработка проекта центра Москвы и набережных. Этот проект – единственный из всех магистральных направлений обсуждался на совещаниях Арплана и был проработан довольно детально; его описание включено в пояснительную записку к Генплану 1934 года²⁰. (рис. 8, 9)

а)

б)

Рис. 8. Том «Планировки города Москвы». 1934 г: а) титульный лист; б) оглавление

²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 12. Л. 223- 245. Магистраль «Набережные Москвы реки».

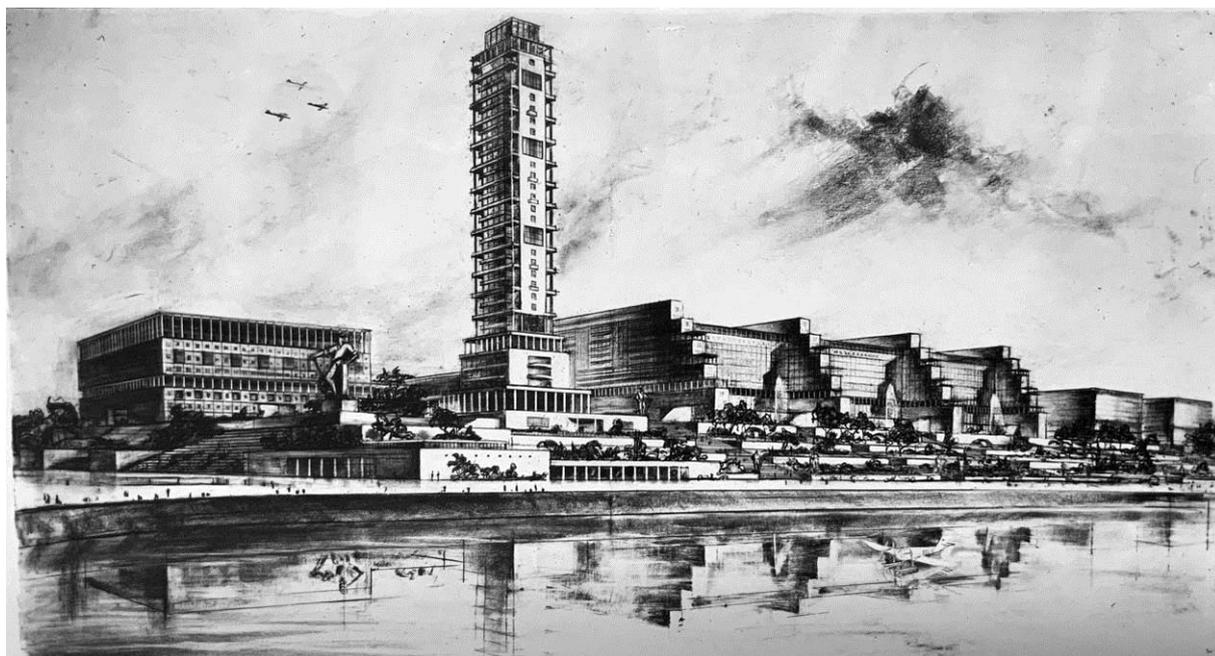

Рис. 9. Проект реконструкции Котельнической набережной. Третья архитектурно-планировочная мастерская. Гл. архитектор М.Я. Гинзбург. 1934 г.

Таким образом, Семенов не только координировал деятельность планировочных мастерских, но и руководил конкретным участком проектирования, который Сталин считал одним из главных. Работы по нему начались до утверждения Генерального плана.

В марте 1934 года руководители планировочных мастерских отчитались перед Арпланом о проведенных работах. Была образована комиссия по сведению в единое целое всех материалов по плану Москвы в составе Л.М. Кагановича, Н.А. Булганина, Л.М. Перчика и В.Н. Семенова, из которых последний был единственным архитектором²¹. После этого началась спешная подготовка документов для представления политическому руководству страны. Рассмотрение материалов планировки Москвы состоялось 14 июля 1934 года на большом совещании в ЦК партии в присутствии руководителей партии и правительства «во главе с товарищем Сталиным», с представителями московских властей и архитектурного сообщества. В исследовании Ю.Д. Старостенко указывается, что практически не сохранилось документальных свидетельств этого совещания. Анализируя выступления Кагановича, она пришла к выводу, что Сталин высказал много замечаний по представленному на совещании проекту Генерального плана, которые послужили руководством для последующей работы. Одной из важных причин неудовольствия, очевидно, стало отсутствие «твердого плана», который позволил бы бороться со стихийной застройкой²². Следует пояснить, что конкретно имел в виду Каганович под «стихийной застройкой». Застройщики, особенно ведомственные, вели новое строительство с нарушениями, заступая за красные линии, что делало невозможным ни комплексное проектирование, ни плановое строительство. Сделать красные линии «законом реконструкции» призывали в один голос и архитекторы, и партийные работники; разработку и утверждение красных линий Каганович еще в 1932 году назвал «насущнейшей, острейшей и первоочередной» проблемой²³. Поэтому на протяжении всей деятельности Арплана в повестках заседаний регулярно звучали темы межевания

²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 58. Л. 15-20. Протоколы заседания Арплана 13, 28.03.1934.

²² Ю.Д. Старостенко проанализировала только графическую схему Генплана 1934 г., не ссылаясь на текст «Планировки города Москвы» [9].

²³ Хвесин Т.С. Итоги объединенного пленума Московского городского комитета партии и Моссовета // Строительство Москвы, № 8-9, 1932. С. 7; Заславский А.М. Больше авторитета планировочным организациям // Там же. – С. 13.

владений, планировки красных линий улиц и площадей с целью прекращения стихийного строительства. Эту работу, по мнению архитекторов, удалось в основном закончить только к концу 1939 года²⁴.

После июля 1934 года следующим этапом работы Арплана стала детальная разработка проекта для утверждения его в Политбюро ЦК. За неделю до совещания в ЦК партии, 7 июля 1934 года В.Н. Семенова сменил С.Е. Чернышев, а Семенов с этого момента связал свою творческую деятельность с Академией архитектуры СССР [15, 246-247; 2, с. 81]. Некоторые исследователи объясняют его уход тем, что мэтр в области градостроительства не смог смириться с беспартийным диктатом «самоуверенного дилетанта» – Кагановича. Протоколы заседаний Арплана свидетельствуют, что Каганович полностью взял на себя координацию подготовки финального документа²⁵. Он сам определил структуру пояснительной записки и назначил подкомиссии, которые должны были редактировать разделы²⁶. Под его наблюдением был подготовлен программный документ «Основы реконструкции г. Москвы, 1935-1955» (рис. 10).

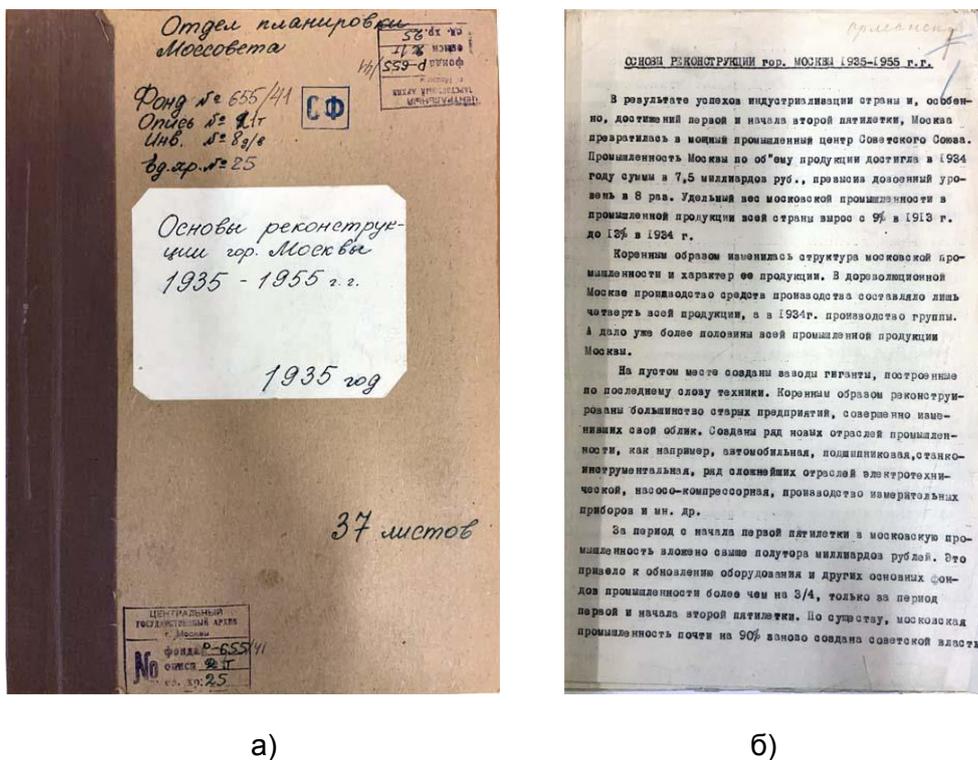

Рис. 10. Том «Основ реконструкции города Москвы», 1935 г.: а) титульный лист; б) л. 1

Он же лег в основу известного постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 года № 1435 «О Генеральном плане реконструкции города Москвы». Большие разделы в «Основах реконструкции» были посвящены истории планирования Москвы с древних времен, расселению, задачам обводнения, развития промышленности и энергетики, транспорту, озеленению, водоснабжению и канализации. Гораздо больше внимания было уделено развитию городского хозяйства, чем архитектурным разделам²⁷. Сам генеральный план Москвы, подготовленный к июлю 1935 года, не имел детальных

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 41. Оп. 1. Д. 97. Л. 5-19. Стенограмма заседания Арплана. 11.07.1939.

²⁵ Ю.Д. Старостенко, опираясь на документы личного фонда Л.М. Кагановича, сделала предположение, что подготовка текста постановления «была едва ли не важнее работы над схемой планировки Москвы». Документы Арплана, которые не привлекала в своем исследовании Ю.Д. Старостенко, тем не менее полностью подтверждают ее заключение [9, с. 97].

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 79. Л. 1-12. Протоколы заседания Арплана 21, 27-28.02.1935.

²⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 25. Основы реконструкции гор. Москвы. 1935-1955.

чертежей, а представлял собой только общую схему²⁸. По словам Кагановича, «в плане все сформулировано настолько сгущенно, что буквально каждая строчка требует огромного тома работ <...> Нужны настоящие технические чертежи каждой строки плана». Он призвал планировщиков «надеть сапоги» и выйти на улицу для руководства топографическими и землеустроительными работами, заняться разработкой детальных рабочих чертежей²⁹. На обсуждение художественного облика зданий и ансамблей не было времени. Пожалуй, единственный раз Каганович высказался по поводу архитектурного стиля будущей Москвы на заседании Арплана 30 июля 1935 года, сразу после выхода постановления об утверждении Генерального плана реконструкции Москвы: «Я думаю, что в области архитектуры надо будет потребовать от архитекторов сейчас нечто более определенное, чем было до сих пор, когда главным образом дискутировали по вопросу, что такое советская архитектура. Это вещь хорошая. Кроме того, мастерские сыграли большую роль в деле объединения сил, в деле подъема творчества архитекторов...

Период, который мы прошли, был больше периодом, так сказать, романтическим в смысле отношения государства и архитекторов. Нужно было согреть людей, показать, что мы хотим, чтобы они творили. Теперь нужно обосновать все это какими-то юридическими рамками. Например, сколько он должен проектировать и сколько стоит проектирование дома...

Практические контуры нашей архитектуры уже более-менее выявлены. На примере метрополитена видно, что нравится народу. Мишуры нет, строгие линии, но вместе с тем добротное, красиво и хорошо. Значит совершенно ясно: материал должен быть хороший, строительство добротное, финтифлюшки не нужны. Должна быть выдержана определенная строгость и вместе с тем достигнута красота ...»³⁰.

Эти высказывания на закрытых рабочих заседаниях Арплана сильно отличаются от идеологической риторики, которая выливалась на граждан со страниц прессы, из официальных постановлений и речей, в том числе и самого Кагановича. Из документов очевидно, что Каганович, в юности малограмотный провинциальный сапожник, один из самых жестоких политических лидеров сталинского режима, питал слабость к архитектуре и с благоговейным трепетом относился к архитектурному творчеству: «Я знаю, что архитектурное творчество имеет то свойство, что уносит человека наполовину в небо <...> А что делается с архитектором, который творит? Ведь он должен вынашивать в себе идею, отвлекаясь от себя, отрешаясь от всего остального»³¹. Он, вероятно, искренне верил в свое предназначение на поприще преобразования Москвы.

Вскоре после принятия постановления 1935 года о реконструкции столицы политическое руководство страны, по-видимому, утратило интерес к архитектурным делам. Процесс, что называется, был «запущен». В Союзе советских архитекторов, Академии архитектуры, на страницах профессиональной прессы с воодушевлением обсуждались вопросы целостной ансамблевой застройки и архитектурно-художественного оформления столицы. В практическом смысле тоже было сделано не так уж мало: открыта первая линия метро, расширено русло Москвы-реки и облицовано гранитом 27 км набережных (рис. 11). Продолжались реконструкция и обустройство улицы Горького; шла застройка Садового кольца, Щербаковской, Большой Калужской и 1-ой Мещанской улиц, Можайского и Ярославского шоссе³².

²⁸ Фотокопия Генерального плана Москвы 1935 г. в неполном виде см. ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 26.

²⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 79. Л. 22-23, 28. Протокол заседания Арплана 30.07.1935.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 79. Л. 37. Протокол заседания Арплана 30.07.1935. Л. 38, 40.

³¹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 79. Л. 35. Протокол заседания Арплана 30.07.1935.

³² ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 51. Д. 94. Стенограмма совещания ... посвященного пятилетию постановления о генеральном плане реконструкции гор. Москвы. 14 июля 1940 г.

Тем не менее, выполнение Генерального плана продвигалось медленнее, чем предполагалось. Отдельные здания не всегда складывались в желанные ансамбли. Особенно наглядно это проявилось при реконструкции 1-ой Мещанской улицы [12]. До 1940 года не было начато строительство новых радиальных магистралей, намеченных Генпланом. Несмотря на приоритетное значение набережных, ни одна из них не имела завершенного ансамбля. Например, на набережных Горького, Смоленской, Ростовской было выстроено всего по одному дому. Даже застройка «сталинской» трассы от Кремля до его ближней дачи в Кунцево застраивалась «рывками» и осталась неоформленной. Перед войной удалось осуществить несколько значительных общественных построек: здание Совета труда и обороны (арх. А.Я. Лангман, 1932-1935 гг.), гостиница Моссовета (арх. Л.И. Савельев, О.А. Стапран, А.В. Щусев, 1932-1935 гг.), библиотека им. В.И. Ленина (арх. В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейх, 1928-1941 гг.), Военная академия им. М.В. Фрунзе (арх. Л.В. Руднев и В.О. Мунц, 1933-1937 гг.). Все они были задуманы до утверждения Генерального плана 1935 года. Неосуществленных проектов было намного больше. Как отмечено во всеобъемлющем исследовании московской архитектуры 1933-1941 годов Н.Н. Броневицкой, «очевидный неуспех в возведении крупных административных и общественных зданий оставил пустоты» в важных градостроительных узлах, предусмотренных генеральным планом 1935 года [8, с. 111, 124].

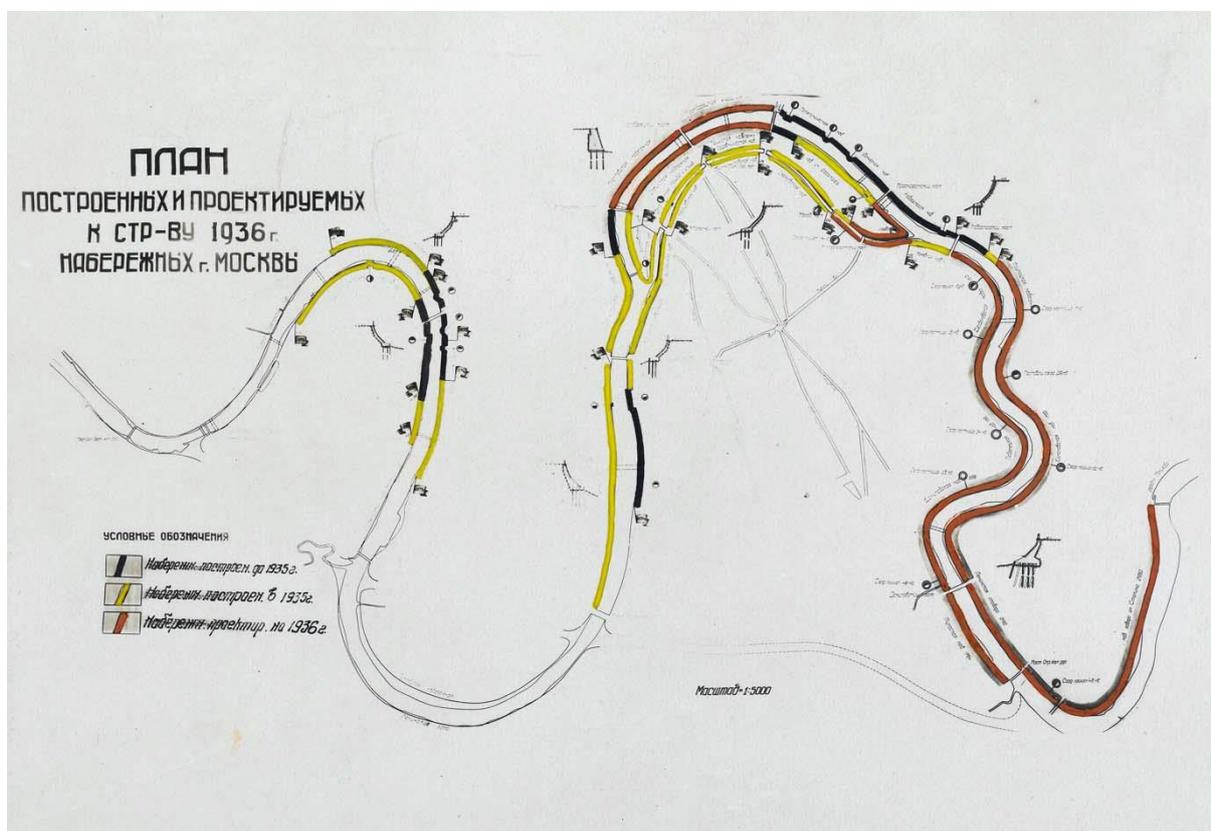

Рис. 11. Схема благоустройства набережных

Десятилетний (1935-1945) план жилищного строительства к 1940-му году был выполнен всего на 5,9 процента. Основную массу всей выстроенной в Москве жилплощади составляли барачные поселки с десятками тысяч жителей в Коптево, Измайлове, Коломенском, Текстильщиках, Кожухове и других районах. Новое строительство, как было сказано выше, велось с нарушениями красных линий. Для многих районов отсутствовали геоподосновы. Из-за разногласий и недостатка исходной документации проектные задания не выдавались вовремя, и строительные организации начинали стройку без

детальных чертежей³³. Многочисленные противоречия порождали опоздания в подготовке проектов. Арплан и планировочные мастерские были завалены рутинной работой по зонированию территорий, проектированию красных линий, вертикальной планировке, выделению участков, решению проблем волокиты в согласовании и утверждении проектов, улаживанию межведомственных споров и других далеких от творчества вопросов. Сменившие Кагановича на посту первого секретаря МК ВКП(б) Н.С. Хрущев (1935-1938) и А.С. Щербаков (1938-1945) меньше интересовались архитектурной сферой. Заседания Арплана стали проводиться намного реже, чем в первые годы. После ухода Л.М. Кагановича архитекторы почувствовали себя покинутыми, испытывали растерянность без привычной опеки. Начальник отдела планировки В.П. Егоров сетовал: «Нельзя похвастаться, что Московский комитет партии уделяет нам большое внимание». В течение трех месяцев он «дежурил часами» у кабинетов председателя Моссовета и секретаря МК партии, добиваясь приема. Б.М. Иофан с сожалением вспоминал времена Арплана. А.Г. Мордвинов прямо предложил вернуть тот порядок, когда «реконструкцией будет руководить непосредственно МК, как это было при Лазаре Моисеевиче», сожалел об отсутствии «директивных установок» главный архитектор отдела планировки С.Е. Чернышев³⁴.

В середине сороковых годов XX века на волне массовой послевоенной реконструкции у партийной элиты вновь на некоторое время возродился интерес к архитектурной деятельности. Москва не была столь сильно разрушена войной, как другие города. Все же, надо было возвращаться к выполнению Генерального плана реконструкции, отложенному на военное время. Тенденции первого послевоенного десятилетия в деталях исследованы в фундаментальных трудах Ю.Л. Косенковой. Ею доказано, что на рубеже победных лет (1944-1946) архитектурное сообщество сделало попытку отказаться от довоенной помпезности и восстановить «человечность» в архитектуре. Эта попытка не удалась по ряду причин [5, с. 32]. Вероятно, сыграла роль в этом и позиция Сталина. «Человеческий» масштаб строительства он считал неподходящим для увековечения «великих достижений коммунизма». Партийный и советский лидер Москвы Г.М. Попов вспоминал, что осенью 1946 года Сталин высказался за то, что «в противовес» мнению архитекторов, Москва должна быть не «саманной деревней», а многоэтажным и светлым городом. Попову и московским архитекторам пришлось собирать совещание и на ходу разворачивать запланированную строительную программу в соответствии с желаниями вождя³⁵.

Сталинское послевоенное представление о Москве как социалистической столице воплотилось, главным образом, в строительстве знаменитых высоток – любимого детища Сталина. Если верить воспоминаниям Г.М. Попова, приближенного к вождю в первые послевоенные годы, Сталин самолично был автором первого эскиза высотного здания³⁶. Что касается рутинной работы по выполнению генерального плана реконструкции Москвы, сохранившиеся документы не дают оснований считать, что он действительно имел собственную ясную градостроительную повестку, и тем более последовательно следил за ее проведением. В послевоенной градостроительной политике боролись две тенденции. Не без влияния сталинских высказываний, в профессиональной архитектурной среде возобновилась пропаганда «ансамблевого мышления», гигантомании и триумфализма советской архитектуры. После 1946 года главный архитектор Москвы Д.Н. Чечулин на заседаниях Архитектурного Совета АПУ ревностно отслеживал, чтобы здания на главных магистралях столицы соответствовали своему

³³ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 97. Л. 5-19. Стенограмма заседания Арплана. 11.07.1939; Ф. П-3. Оп. 51. Д. 93. Стенограмма совещания в МК ВКП(б) по вопросу генерального плана реконструкции г. Москвы от 5 июля 1940 г.

³⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 50. Д. 42. Л. 13-14, 26, 35, 50-51, 106-107, 135-136. Стенограмма совещания при МК ВКП(б) о выполнении постановления СНК и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы 2.08.1938.

³⁵ Таранов Е.В. «Партийный губернатор» Москвы Георгий Попов. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2014. – С. 67.

³⁶ Так же. С. 229.

предназначению «памятников эпохи», которые принесут «славу на всю жизнь [их] авторам». В то же время указания Сталина о строительстве на главных магистралях и повышении этажности зданий саботировались ведомственными застройщиками, которые стремились к экономии своих средств. В окраинных районах Измайлово, Хорошево-Мневники и других вопреки требованиям вождя полным ходом шло малоэтажное шлакоблочное строительство (рис. 12).

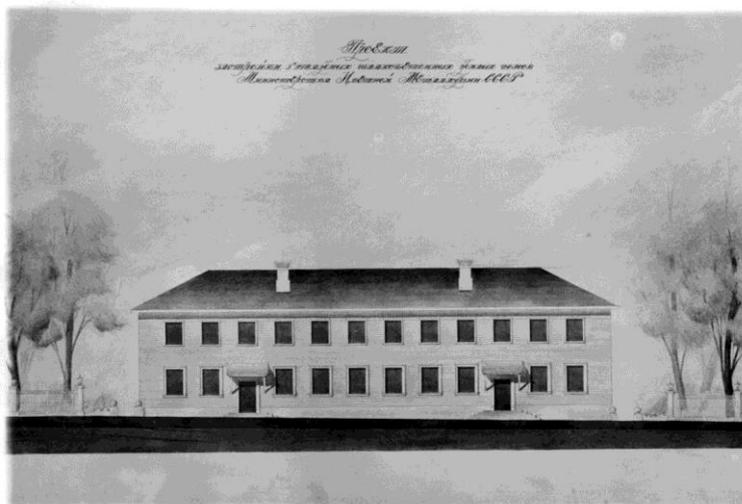

Рис. 12. Проект общежития № 23 на 169 человек в жилом поселке Главвоенпромстроя в Измайлово. Архитектор Мельчук Г.М. 1947 г.

Положения генерального плана о строительстве жилья выполнялись медленно. Так, за период 1946-1949 годов было введено в эксплуатацию 850,6 тыс. кв.м жилой площади, или 28,3 процента от заданий. Удельный вес Моссовета в строительстве в сравнении с министерствами и ведомствами уменьшился по отношению к довоенному и составил всего 15,3 процента. Проектные работы также велись с большим отставанием. Из 1524 проектов, рассмотренных Архитектурным советом в 1948 году, было утверждено только 860, что вызывало задержки начала строительства³⁷. К концу 1940-х годов стало ясно, что градостроительные условия в Москве сильно изменились после войны: численность населения достигла пяти миллионов и уже далеко превысила запланированную, поэтому предусмотренное в 1935 году увеличение территории города до 60 тыс. га выглядело недостаточным; в ходе планировки отказались от сооружения Северного кольца водных каналов, пробивки идущих через центр сквозных транспортных диаметров и некоторых кольцевых магистралей; произошло смещение акцентов планирования и требований к этажности из-за строительства высотных зданий³⁸. В результате было решено разработать новый генеральный план столицы. Его проект не понравился Сталину. В июне 1949 года на заседании Политбюро он предложил прекратить проектирование «пустых» зданий – дворцов, клубов, гимнастических залов, «наперев» на строительство жилья, больниц и школ³⁹. После этого лидер страны вновь утратил интерес к архитектуре, передав дела по составлению нового Генерального плана реконструкции Москвы на усмотрение Н.С. Хрущева, занявшего в конце 1949 года пост первого секретаря МК КПСС⁴⁰.

³⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. П-4. Оп. 45. Д. 27. Л. 2. Справка о работе партийной организации Управления по делам архитектуры Мосгорисполкома. 1949 г.; Д. 19. Л. 9. Предварительные соображения по новой редакции 6 раздела проекта Постановления «О плане реконструкции г. Москвы на 1950-1959 гг.» секретаря МГК ВКП(б) В.Г. Попова. 1950 г.

³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 175. Л. 1-12. Пояснительная записка к проекту внесения частичных изменений в генеральный план реконструкции г. Москвы. 1948 г.

³⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 119. Д. 109. Л. 54-57.

⁴⁰ Подробнее об этом см. [5].

Подробное изучение архивных документов показывает, что Генеральный план реконструкции Москвы 1935-го года был в гораздо большей степени инструментом городского развития, чем генеральным планом в архитектурном понимании. Об этом говорит уже само то, что подготовленный в 1935 году для Политбюро документ назывался «Основы реконструкции Москвы», и лишь на завершающем этапе был утвержден как Генеральный план. Влияние Сталина на процесс подготовки Генерального плана было общим и носило опосредованный характер; его конкретные предложения не имели отношения к выбору архитектурного стиля будущей социалистической Москвы. В начале 1930-х годов у большевистской верхушки присутствовало представление о политической важности реконструкции столицы, но точно не было предварительного плана воздействия на архитекторов и ясного понимания результатов. Это понимание выросло постепенно по мере наработки опыта. По замечанию Л.М. Кагановича, «это был первый опыт социалистического планирования такого Великого города, как наша Москва <...> Мы учились на каждой конкретной стройке, улице, районе»⁴¹. Документы показывают, что интерес Сталина к архитектуре был циклическим и концентрировался на нескольких моментах, наиболее важных с точки зрения идеологии: принятие решения о разработке Генерального плана (1931 г.); его утверждение (1935 г.); определение путей послевоенной реконструкции (1945 г.); решение Политбюро о строительстве высотных зданий (1947 г.) и решение о подготовке нового Генерального плана (1949 г.)⁴².

Идеологическое давление на архитекторов, безусловно, имело место. В начале 1930-х годов большевистская власть поощряла борьбу между архитектурными течениями и группами. Она велась жестко, с навешиванием политических ярлыков, шельмованием оппонентов, размахиванием лозунгами, выдвижением на номенклатурные должности идеологически верных адептов режима. Эта борьба закончилась утверждением «социалистического реализма» в архитектуре. Ее ход хорошо считывается со страниц профессиональных журналов и центральной прессы и не раз подробно освещен в современной научной литературе. В послевоенный период за «чистотой стиля» следили сами архитекторы через выступления в печати, деятельность Союза советских архитекторов и Академии архитектуры СССР⁴³. В Москве роль «архитектурного цензора» выполняло Управление по делам архитектуры во главе с главным архитектором Д.Н. Чечулиным. Нет серьезных доказательств того, что политические функционеры, включая Сталина, пытались навязать московскому архитектурному сообществу свои конкретные стилистические взгляды. Думается, что у них не было ясного видения визуального образа архитектуры победившего социализма. Представляется справедливым наблюдение В.Г. Басса, что идеологическое давление режима не выражалось в конкретных указаниях, предлагая архитекторам самим «угадать формулу» советского архитектурного стиля. Этот поиск превратился в погоню за постоянно ускользающей идеальной «визуальной формой для воплощения идеологии». Но разворачивался этот поиск не столько в практической работе по подготовке и выполнению Генерального плана, сколько в разного рода конкурсах и профессиональных дискуссиях.

⁴¹ Каганович Л.М. Памятные записки Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. – Москва: Вагриус, 2003. – С. 407-411.

⁴² Важным моментом, привлечшим внимание Сталина к архитектуре, следует считать также конкурс на проектирование Дворца Советов. Этому моменту посвящена отдельная публикация [6].

⁴³ О роли Академии архитектуры см. Косенкова Ю.Л. Хроника архитектурно-градостроительного процесса в СССР послевоенного периода (1945-1954 гг.). Введение к хронике 1954-1955 гг. Проблемы переходного периода. – URL: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/khronika_arkhitekturno_gradostroitel'nogo_protsessa_v_sssr_poslevoennogo_perioda (дата обращения 11.06.2019).

Источники иллюстраций

- Рис. 1. Моссовет. Трест строительства набережных. – М.: 1935.
 Рис. 2. Моссовет. Трест строительства набережных. М.: 1935.
 Рис. 3. Диаграмма строительства набережных Москвы-реки. Источник: Моссовет. Трест строительства набережных. – М., 1935.
 Рис. 4-7. ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 24.
 Рис. 8а, б. ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 12.
 Рис. 9. ЦГА г. Москвы. Ф. т-41. Оп. 1. Д. 14.
 Рис. 10. ЦГА г. Москвы. Ф. Т-41. Оп. 1. Д. 25.
 Рис. 11. Моссовет. Трест строительства набережных. – М., 1935.
 Рис. 12. ГНИМА им. А.В. Щусева. Коллекция XI. Негатив 4606. Собр. музея архитектуры Р- I а 2657/3.

Литература

1. Басс В.Г. Страна победившего маньеризма / Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. Сост. и отв. ред. Косенкова Ю.Л. – Москва: Комкнига, 2010. - С. 100-111.
2. Белоусов В.Н. В.Н. Семенов / В.Н. Белоусов, О.В. Смирнова. – Москва: Стройиздат, 1980. – 144 с.
3. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009.
4. Конышева Е.В. Коммунист и “враг народа”: архитектор Курт Майер в СССР // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 41 Март. – С. 114-148.
5. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000.
6. Кузнецов С.О. Н.С. Хрущев и борьба с излишествами в советской архитектуре (1949-1954 гг.) // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 3. – С. 5-10. – URL: <http://aac.raasn.ru/>
7. Кузнецов С.О. Роль Сталина в организации конкурса на проектирование Дворца Советов (1931-1932 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №3(48). – С. 51-60. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf
8. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1933-1941 / [автор текста и составитель Н.Н. Броницкая]. – Москва: Искусство-XXI век, 2015. – 319 с.
9. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
10. Селиванова А.Н. Постконструктивизм: власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. – Москва: БуксМАрт, 2018.
11. Старостенко Ю.Д. «Мы должны вести твердый план»: к истории рассмотрения первого варианта Генерального плана реконструкции Москвы в июле 1934 года // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 2. – С. 92-99.
12. Старостенко Ю.Д. «Первая новая жилая магистраль столицы»: к истории реконструкции 1-й Мещанской улицы во второй половине 1930-х гг. / Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ Материалы

международной научно-практической конференции. Сборник статей. – Москва, 2017. – С. 380-383.

13. Старостенко Ю.Д. Метаморфозы архитектурно-градостроительной концепции развития центра (центрального ядра) Москвы в 1920-1930-е годы: дис. ...канд. архитектуры. – Москва, 2009.
14. Харин М.С. Реконструкция Москвы в 1930-е годы. дисс. ... кандидата исторических наук. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2007.
15. Череди́на И.С. С.Е. Чернышев. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 360 с.

References

1. Bass V.G. *Strana pobedivshogo man'yerizma / Arkhitektura stalinskoj epokhi: Opyt istoricheskogo osmysleniya* [The Country of Victorious Mannerism / Stalinist Architecture: An Experience of Historical Understanding]. Moscow, Komkniga, 2010, pp. 100-111.
2. Belousov V.N., Smirnova O.V. *V.N. Semenov* [V.N. Semenov]. Moscow, Stroyizdat, 1980.
3. Kazus I.A. *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proyektirovaniya* [Soviet architecture of the 1920s: organization of the design process]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2009.
4. Konyshova Ye.V. *Kommunist i "vrag naroda": arkhitektor Kurt Mayyer v SSSR* [Communist and "enemy of the people": the architect Kurt Meyer in the USSR. Architecton: News of Universities]. 2013, no. 41, Mart, pp. 114-148.
5. Kosenkova Yu.L. *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh gg. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [Soviet city of the 1940s - the first half of the 1950s. From creative searches to construction practice]. Moscow, Editorial URSS, 2000.
6. Kuznetsov S.O. *N.S. Khrushchev i bor'ba s izlishestvami v sovetskoy arkhitekture (1949-1954 gg.)* [Khrushchev and the struggle against excesses in Soviet architecture (1949-1954)]. Academia. Architecture and construction]. 2019, no. 3. pp. 5-10. Available at: <http://aac.raasn.ru/>
7. Kuznetsov S.O. Stalin and the first stages of the competition for the design of the Palace of Soviets (1931–1932). Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 3(48), pp. 51-60. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf
8. *Pamyatniki arkhitektury Moskvy. Arkhitektura Moskvy 1933-1941* [Monuments of architecture of Moscow. Moscow Architecture 1933-1941. Text writer and compiler N.N. Bronovitskaya]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek, 2015, 319 p.
9. Orlov I.B. *Kommunal'naya strana.: stanovleniye sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva (1917–1941)* [Communal country: the formation of the Soviet housing and communal services (1917–1941)]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015.
10. Selivanova A.N. *Postkonstruktivizm: vlast' i arkhitektura v 1930-ye gody v SSSR* [Postconstructivism: power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow, BuksMArt, 2018.
11. Starostenko Yu.D. «*My dolzhny vesti tverdyy plan*»: k istorii rassmotreniya pervogo varianta General'nogo plana rekonstruktsii Moskvy v iyule 1934 goda ["We Must Keep a Firm Plan": on the History of Consideration of the First Version of the General Plan for the

- Reconstruction of Moscow in July 1934. Academia. Architecture and construction]. 2019, no. 2, pp. 92-99.
12. Starostenko Yu.D. «*Pervaya novaya zhilaya magistral' stolitsy*»: k istorii rekon-struktsii 1-y Meshchanskoy ulitsy vo vtoroy polovine 1930-kh gg. *Nauka, obrazova-niye i eksperimental'noye proyektirovaniye. Trudy MARKHI Materialy mezhduna-rodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sbornik statey* [«The first new residential street of the capital»: the history of the reconstruction of the 1st Meschanskaya street in the second half of the 1930s. Science, education and experimental design. Proceedings of the MARCH. Materials of the international scientific-practical conference. Digest of articles]. Moscow, 2017, pp. 380-383.
 13. Starostenko Yu.D. *Metamorfozy arkhitekturno-gradostroitel'noy kontseptsii razvitiya tsentra (tsentral'nogo yadra) Moskvy v 1920 – 1930-ye gody. Dis. kand. arkhitektury* [Metamorphoses of the architectural and urban planning concept of the development of the center (central core) of Moscow in the 1920s - 1930s (Cand. Dis)]. Moscow, 2009.
 14. Kharin M.S. *Rekonstruktsiya Moskvy v 1930-ye gody. Diss. kand. istoriche-skikh nauk* [Reconstruction of Moscow in the 1930s. (Cand. Dis)]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2007.
 15. Cheredina I.S. *S.E. Chernyshev* [S.E. Chernyshev]. Moscow, Progress-Tradition, 2014, 360 p.

ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Сергей Олегович

Главный архитектор Москвы, Первый заместитель Председателя Комитета по архитектуре и градостроительству Москвы, Москва, Россия
e-mail: wustengeier@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Sergey

Chief Architect of Moscow, First Deputy Chairman of the Moscow City Architecture Committee, Moscow, Russia
e-mail: wustengeier@gmail.com